

ЧТО ТАКОЕ РАСИЗМ?

Ален де Бенуа

Писатель и журналист Ален де Бенуа родился 11 декабря 1943 года.

Свою политическую деятельность начал (под именем Фабрис Ларош) в рядах Федерации студентов-националистов, созданной в 1960 году активистами организации “Молодая нация”, которую основали в 1950 году братья Сядо, дети расстрелянного деятеля вишистского режима, будущие борцы за французский Алжир.

В июле 1962 году Ларош (Бенуа) и другие будущие руководители ГРЕСЕ приняли участие в составлении манифеста “За позитивную критику”. Это была первая попытка выработки четкой идеологии для “крайне правых”.

17 января 1969 года в Ницце была официально зарегистрирована Группа изучения европейской цивилизации, сокращенное название которой ГРЕСЕ звучит по-французски как “Греция”. Это общество стало мозговым центром движения, которое позже называли “новыми правыми”, а А. де Бенуа стал главным идеологом этого движения. По оценке его противников, он сыграл первостепенную роль в походе против рационализма, против идеалов «1789 года».

В том же 1969 году Ален де Бенуа (под именем Робер де Эрт) стал руководителем журнала “Нувель эколь”. Официальным органом ГРЕСЕ является основанный в 1973 году журнал “Элеман”. А. де Бенуа руководит также изданием тематического альманаха “Кризис” (с 1988 г.).

Полный перечень всего, что А. де Бенуа написал и издал, начиная с 1965 года, занял бы слишком много места. Тематика его работ удивительно разнообразна. Назовем лишь важнейшие из них.

“Взгляд справа. Критическая антология современных идей” (1977). Эта книга была отмечена Большой премией Французской академии и переведена на ряд языков. Она содержит очерки о многих идеологах, влияние которых порой затрагивало не только правый, но и левый лагерь.

“Идеи как они есть” (1979). Именно в этом году журналисты открыли, что уже 10 лет существует какое-то непонятное движение, приклеили ему ярлык “новых правых” и развернули против него кампанию, нагородив много всякой ерунды. А. де Бенуа счел своим долгом ознакомить широкую публику с идеями т.н. “новых правых” в неискаженном виде.

“Как можно быть язычником?”(1981). А. де Бенуа - противник христианства и один из идеологов европейского “неоязычества”, приверженность к которому - одна из черт, отличающих “новых” правых от “старых”. Впрочем, в

последнее время эту линию подвергает резкой критике другой видный идеолог новых правых - Г. Фай.

“Европейские традиции” (два издания, 1982 и 1996). “Ориентиры для решающих лету” (1982, книга переведена на несколько языков). “Проблема демократии” (1985). “Европа и Третий мир - одна борьба” (1986). А. де Бенуа занимает резко антиамериканскую позицию и считает ползущий из США глобализм главным врагом независимости и самобытности, как европейских народов, так и народов т.н. Третьего мира.

“Против расизма”. Книга издана на испанском языке в Барселоне в 1992 году. Предлагаемый А. де Бенуа общий фронт народов Европы и Третьего мира против США, разумеется, исключает расистский подход в его ненаучном варианте, т.е. идею превосходства одних рас над другими. “На линии прицела”, 2 т.т. (1995 - 1996). Сборник, включающий в себя наиболее важные выступления А. де Бенуа на различных конференциях с 1972 по 1995 г.г. “Коммунизм и нациям” (1998). Размышление о тоталитаризме в XX веке. “Восстание культур. Европейский манифест XXI века” (1999). Здесь речь идет о восстании самобытных культур против глобализации.

Ниже мы помещаем перевод А.М. Иванова статьи А. де Бенуа «Что такое расизм?», публикация которой совпадает с 60-летием автора.

Сегодня слово “расизм” имеет так много противоречащих друг другу значений, что вокруг него образуется ореол мифа и поэтому его трудно определить. Ниже мы попытаемся дать определение расистской идеологии независимо от каких-либо социологических соображений. Первая трудность проистекает из того факта, что слово “расизм” стало ругательством, оно служит скорее орудием борьбы, чем определением, им пачкают тех, к кому приклеивают этот ярлык. Назвать кого-нибудь расистом, даже если это грязная клевета, удобная тактика, - она либо парализует противника, либо бросает на него подозрение и лишает его доверия. Такой подход стал обычным в конфликтах, которые мы наблюдаем каждый день. На международном уровне этот термин может приобрести значение, не скрывающее его истинную природу и цели, как в случае с резолюцией № 3379 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 ноября 1975 года, осуждающей сионизм как форму расизма и расовой дискриминации. Обвинение в расизме как правило влечет за собой ряд аналогичных обвинений: в принадлежности к крайне правым, в фашизме, антисемитизме и т.д. Сегодня почти ритуальное повторение этих терминов часто делает их синонимами, и тот, кто обвинен по одной из этих статей, автоматически подпадает под все другие. В конечном итоге сам термин становится все более размытым, а его осмысленный анализ - все более трудным.

Используемые в самых различных смыслах, термины “расизм” и “расист” стали готовыми формулами, стереотипами. Антирасисты действуют теми же методами, что и расисты: приписывают целой группе черты отдельных ее членов, хотя упрекают расистов именно в этом. Пьер-Андре Тагиев подчеркивает: “Борьба против расизма не может быть

эффективной, если создан его ложный образ и антирасизм стал зеркальным отражением расистского мира. Один из пороков современного антирасизма заключается в том, что он по-расистски обращается с теми, кого обвиняет в расизме”.

Осуждение общественным мнением расистских теорий и расистского поведения затемняет суть проблемы. Во Франции, где расизм является преступлением и строго карается, наблюдается тенденция к отрицанию его статуса как идеологии или убеждения. Кроме того, закон не делает различия между расистской теорией (“разжигание расовой ненависти”) и расистским поведением. В этих условиях расизм не столько сфера идей, сколько предмет уголовного преследования. Некоторые определяют расизм как болезнь, называют его “проказой”(Альбер Жаккар) или “сумасшествием” (Кристиан Делакампань). Но тогда возникает противоречие: если расисты - душевнобольные, то их нужно лечить, а не судить. В общем, слово “раса” и его производные (расизм, расист и т.д.) несут в себе сильный эмоциональный заряд. При исследовании расизма это нужно принимать во внимание, но стараться не попасть в ту же ловушку и следовать совету Пьера Фужейролла: “Общественные науки должны изучать расизм как совокупность наблюдаемых явлений наряду с прочими и во взаимоотношении с другими явлениями”.

Часть первая

Слово “расизм” впервые появилось в словаре Ларусса в 1932 году. Внимательное изучение вышедших с тех пор словарей показывает, что определения этого термина совпадают: “Система, которая утверждает превосходство одной расовой группы над другими” (Ларусс). “Учение о существовании биологических различий между расами и превосходстве одной из них” (приложение к Большому словарю Литтре). “Теория иерархии рас, основанная на вере в то, что общественные условия зависят от расовых особенностей” (Робер). “Теория расовой иерархии, проповедующая необходимость предохранения т.н. высшей расы от смешения и ее право на господство над другими расами” (малый словарь Робера) и т.д. декларация ЮНЕСКО от 1978 года называет расизмом “любую теорию, утверждающую превосходство или неполноценность тех или иных расовых или этнических групп, что дает одним из них право господствовать над другими, якобы низшими, или даже уничтожать их, или основывающую свои оценки на расовых различиях”. Рут Бенедикт пишет: “Расизм это догма, согласно которой одна этническая группа обладает от природы врожденным превосходством”. А вот недавнее определение Артура Кригеля: “Расизм это научно-идеологическая система, которая разделяет современное человечество на подвиды, являющиеся результатом независимого развития и обладающие неравными средними способностями. Плодом смешения с низшими подвидами могут быть только полукровки, уступающие по способностям высшей расе”. Ни одно из этих определений не затрагивает поведение, все они сосредоточены на теории : “системе”, “учении”, “догме”. Эти теории объединяют две главные черты: вера в неравенство различных рас и в то, что это неравенство оправдывает господство т.н. “высших” рас над “низшими”.

Предлагаются и более мудреные определения, и литература по этому вопросу весьма обширна. Большой частью эти определения являются отзвуками уже приведенных. Они называют пять главных элементов расистской идеологии:

1. Вера в превосходство одной, реже нескольких рас - над другими. Эта вера обычно

сочетается с иерархической классификацией расовых групп.

2. Идея, что превосходство одних и неполноценность других имеют биологическую или биоантропологическую природу. Этот вывод вытекает из веры в то, что превосходство и неполноценность неискоренимы и не могут быть изменены, например, под влиянием социальной среды или воспитания.

3. Идея, что коллективное биологическое неравенство отражается в общественном строе и в культуре и что биологическое превосходство выражается в создании “высшей цивилизации”, которая сама по себе указывает на биологическое превосходство. Эта идея устанавливает прямую зависимость между биологией и социальными условиями.

4. Вера в законность господства “высших” рас над “низшими”.

5. Вера в то, что есть “чистые” расы, и смешение неизбежно оказывает на них отрицательное влияние (упадок, вырождение и т. д.)

Вопрос в том, можно ли говорить о расизме только если налицо все эти пункты, или есть элементы более “фундаментальные”, нежели другие. Расизм это, прежде всего, теория расовой иерархии и расового неравенства. Это - главное. С остальными пунктами дело обстоит более сложно.

Во-первых, расистская точка зрения не требует никакого знания биологии или обращения к биологии для объяснения расового неравенства. Либеральные авторы и просвещенные философы XVIII века в большинстве своем были убеждены в неполноценности негров, но они не объясняли ее природными причинами и не поднимали биологических проблем, ограничиваясь ссылками на обычаи, климат и т. д. Дэвид Юм писал: “Я пришел к выводу, что негры и в целом все прочие человеческие расы (ибо есть 4 или 5 разных типов) по природе своей ниже белых”. Он не основывал этот вывод ни на каких биологических соображениях. Локк, как хорошо известно, был защитником рабства как и многие философы эпохи Просвещения, ибо для них идея о разуме, “целиком представленном в каждом человеке” (Декарт), означала, что каждый человек способен признать превосходство европейской цивилизации. Наоборот, в XIX веке многие писатели, которые связывали социологию с биологией, не обязательно делали из этого расистские выводы. Так обстояло дело с рядом социал-дарвинистов, таких как Герберт Спенсер, который был либералом и верил в идею прогресса. Наконец, в XX веке были “расистские” авторы, которые полностью отвергали биологию и осуждали биологический расизм как безумие (Ю. Эвола).

Романтическая, в сущности, идея “чистой расы” тоже принимается не всеми расистскими теоретиками. Альбер Мемми не прав, когда говорит, будто расистская идеология основана на трех постулатах: “что чистые расы действительно существуют, что они выше других и, пока эти расы сохраняют чистоту, их члены обладают политическими, экономическими и культурными преимуществами”. Евгений с расистским уклоном Карл Пирсон всегда боролся против идеи “чистой расы”. Сам А. де Гобино писал свой “Очерк”, чтобы доказать, что чистые расы исчезли. Для Х. С. Чемберлена, как и для Рене Марсиаля имеют значение только “расовые достижения”. Многие расистские писатели не связывали автоматически превосходство с идеей чистоты.

Разделились мнения и по вопросу о смешении. В XIX и начале XX века почти все антропологи считали, что смешение ведет к вырождению по причине антропологических различий между расами. Наоборот, Огюст Конт отвергал расовую иерархию и даже рекомендовал смешение, хотя писал в своем “Позитивистском катехизисе” (1852), что у разных рас мозги разных типов. Сенсимонист Виктор Курте (1813-1867), несомненный предтеча расизма, полагал, что путем смешения можно возродить человечество, за что его позже объявили коммунистом. В XX веке Фрэнк Хенкинс обличал “возвращенные и доктринерские утверждения о равенстве рас” и в то же время был ярким сторонником смешения.

Некоторые авторы различают расизм как идеологию исключительности и расизм как идеологию господства. С другой стороны, когда дело доходит до объективной оценки того, насколько “опасен” тот или иной расизм, мнения разделяются. Исключительность может быть лучше господства, если она ограничивается отказом от контактов с другими, но может быть и гораздо опасней, если она приводит к истреблению других.

Другое различие, которое проводится реже, это различие между расизмом в собственном смысле слова и тем, что за неимением лучшего термина можно назвать “расиализмом”. Речь идет о теории, основанной на той идее, что расовые или, более широко, этнические факторы играют решающую роль в развитии человеческого общества. В этом плане социально-культурные корни рассматриваются в первую очередь или исключительно как корни этнических групп, а великие события истории - как события расового характера. Короче, расиализм провозглашает расу ключом к пониманию главных движущих сил истории. По определению Виктора Курте, “почти во всех случаях сущностью является раса”. В 1850 году шотландский анатом Роберт Нокс писал: “Раса это все: литература, наука, искусство - одним словом, цивилизация, - все зависит от расы”. В Германии социал-дарвинист Людвиг Вольтман, бывший социал-демократ, объяснял Ренессанс присутствием в Северной и Центральной Италии “германской” крови. В Англии Дизраэли также был сторонником расиализма. Ханна Арендт видит в нем “первого англичанина, который твердо отстаивал свои расовые убеждения и идею расового превосходства как определяющего фактора в истории и политике”. Аналогичным образом Гобино объяснял всю историю человечества в расовых терминах. Хотя, вопреки распространенному мнению, его влияние на национал-социализм было равно нулю, подобные взгляды были популярны в Германии в 1930-х - 40-х годах. Для Эдварда Мангольда расовые различия “дают ключ к пониманию всех главных событий мировой истории”. В разной степени эту тему расы как определяющего фактора можно найти у таких авторов, как Ньютон, Монтескье, Огюст Тьерри, Камилл Жюлиан, Вирей, Бюффон и даже у Гизо.

В настоящем расиализме расовый фактор рассматривается как первичный, а не как один из множества других. Более того, подлинный расиализм исходит из причинной, почти механистической взаимосвязи между расой и социально-культурной областью, причем первая определяет вторую. Расиализм отрицает неравенство рас и это принципиально отличает его от расизма. На первый взгляд расизм в его крайней форме представляется результатом слияния расиализма с верой в расовое неравенство. Например, для Вольтера негры даже не принадлежали к человеческой расе. Он считал, что они столь же отличны от нас, “как спаниель от борзой”. Кювье утверждал, что морфологические и краниологические особенности негров доказывают их близость к обезьяне. Гегель не

находил в неграх “ничего человеческого”. Более умеренных взглядов придерживались Вирхов, Брока и Катрфаж. Более того, понятно, как это произошло: если раса - главная детерминанта в человеческих делах, возникает соблазн объяснить установившийся в мире баланс сил “расовыми особенностями”. Да, расиализм и расизм не всегда пересекаются. В расиализме нет иерархической системы ценностей. Он ограничивается установлением различий между расами, их классификацией и определением их роли в общественной жизни. Но различие или классификация это не то же самое, что создание иерархии. Перечисление сходств и различий позволяет определить родственные связи между расами. Иерархия же включает в себя парадигму и эта парадигма является отличительной чертой расистской идеологии. Эта парадигма почти всегда этноцентрична. Поэтому расиализм может быть расофильским, а расистская идеология - всегда расофобская. Расиализм добавляет к центральному значению расы простую идею о связи между физическими особенностями отдельных людей и групп и их духовными особенностями, между биологическим и социальным. Расистская идеология добавляет к расиализму дискриминационные оценки. Расы располагаются по иерархии. Но расистская идеология не обязательно включает в себя расиализм. Можно верить, что всегда были высшие и низшие расы, но не верить, что все социальные явления можно свести к расовым факторам. Вера в расовое неравенство и идея, согласно которой раса - главный фактор человеческой истории, это не два разных варианта одной и той же идеи.

Расовая иерархия, нарисованная расистской идеологией, всегда линейна - одна раса неизменно оказывается наверху вместе со своей цивилизацией. Вся схема отличается своей “упорядоченностью” на основе этноцентризма. В то время как расиализм делает упор на решающем значении расы, расистская идеология - на значении определенной расы. Например, Гобино видел в “арийцах”, а Виктор Курте - в “германцах” цвет нации. Как писал Чемберлен:

“Вся наша цивилизация и вся наша нынешняя культура является творением одной единственной расы - германской” (Чемберлен включал в нее кельтов и славян). Для Гитлера “арийцы заложили основы всех человеческих достижений. Все великие цивилизации прошлого пали по той простой причине, что раса, которая первоначально была творческой, позже умерла от заражения крови”.

“Очерк о неравенстве человеческих рас” Гобино содержит в себе элементы как расиализма, так и расизма. Название книги говорит само за себя и оно повторяется в заголовке главы XIII. В этой работе была сделана попытка объяснить всю человеческую историю через природные явления. Несмотря на презрение, которое его современник Токвиль питал к арабской культуре, Гобино восхищался исламской цивилизацией. Не был он и антисемитом.

Расистская идеология имеет две разные перспективы, пессимистическую и оптимистическую. Многие расистские идеологии использовали расовые явления для объяснения со ссылками на прошлое того упадка, в котором находится белая раса. Это состояние описывается либо как необратимое (Гобино), либо как угроза, которая уже начала материализоваться. Другие авторы смотрят на борьбу между расами с “оптимистической” точки зрения, находясь под влиянием социал-дарвинизма. Таков был взгляд Чемберлена, который писал: “даже если будет доказано, что арийская раса в прошлом никогда не существовала, мы хотим, чтобы она возникла в будущем”. “Расы не

нисходят с неба, они развиваются во времени и лишь медленно обретают расовую чистоту” (в этом, как и во многих других пунктах Чемберлен расходился с Гобино). Любопытно, что Гитлер разделял этот оптимизм. Его расистский проект был сродни евгенической точке зрения в смысле “расовой гигиены”. Раса для него это не столько благоприобретенные свойства, которые нужно сохранить, сколько цель, которую нужно достичь. Раса это не “голос прошлого”, а “зон будущего”. Вера в биологически-социальный континуум позволяет верить в то, что естественный отбор продолжает действовать и в человеческом обществе, так что история развивается “правильно”: побеждает самый сильный, самый приспособленный и т. д.

В социал-дарвинизме есть два очень разных течения. Одни верят, что естественный отбор действует в человеческом обществе, как и в природе (англосаксонские писатели и Гитлер). Другие, наоборот, считают, что естественный отбор в социальной сфере сталкивается с “анти-отбором” (Ваше де Лапуж) и для исправления положения требуется вмешательство государства. Связь между первым течением и либеральной идеологией ясна: та же “невидимая рука”, которая якобы автоматически восстанавливает “оптимальное” экономическое состояние, устанавливает и “оптимальные” общественные отношения. “Свободная конкуренция” и “естественный отбор” работают по одному и тому же принципу. Второе течение противоречит своему собственному изначальному постулату (почему естественный отбор не может действовать естественно и в человеческом обществе?).

Жозеф Габель утверждает, что социал-дарвинизм породил расизм. Здесь необходимы пояснения. да, с помощью социал-дарвинизма идеи Дарвина усилили в XIX веке расистские идеи. Соблазнительно было представить белую расу самой развитой ветвью человечества. Но расизм, включая его теоретические формулировки, существовал до Дарвина, и многие расисты враждебно относились к Дарвину и теории эволюции (считая ее аватарой теории прогресса). И наоборот, не все социал-дарвинисты были расистами. Социал-дарвинизм отличается от расизма своей элитарностью. Он не связан соображениями, тогда как по строго расистской логике белый должен чувствовать себя ближе к подметальщику улиц, если тот - его расы, чем к китайцу - лауреату Нобелевской премии.

Кроме очевидной тенденции к биологизации общественных отношений расизм и социал-дарвинизм объединяет идея “войны между расами”. С их точки зрения этот конфликт становится одним из элементов отбора во всемирном масштабе. Здесь сразу же приходит на ум имена Ваше де Лапужа и его немецкого двойника Отто Аммона. Но главным теоретиком борьбы между расами был поляк Людвиг Гумплович. Его идеи, а также идеи немецкого социолога Густава Ратценхофера популяризировал в США Альбион Смолл. Для Гумпловича борьба это изначальное и неизбежное отношение между разными расовыми группами, а государство - политическое орудие, созданное победоносной расой для обеспечения своего господства над побежденной.

В свете всего этого ясно, что нелегко дать определение расистской идеологии. Большинство определений вызывает серьезные вопросы и допускает слишком много исключений. Определение расизма в терминах идеологии должно быть применимо во всех случаях. Однако тщательное изучение расистских сочинений выявляет лишь одну постоянную составляющую: веру в неравенство человеческих рас, логическим следствием

чего является неравенство культур и цивилизаций. За исключением этого расистская идеология:

1. Может искать, а может и не искать в биологии объяснение причин неравенства;
2. Может примыкать, а может и не примыкать к расизму, т. е. к теории, согласно которой раса - главная движущая сила истории;
3. Может оправдывать, а может и не оправдывать господство или, наоборот, исключительность и изоляцию;
4. Может отвергать, а может и не отвергать смешанные браки;
5. Может считать, а может и не считать неравенство неизменным или, наоборот, что можно устранить неравенство, приобщив “других” к культуре, образец которой имеет этноцентрический характер.

Часть вторая

За последние десятилетия были предприняты попытки дать новое определение расизма. Одна из них заключается в придании этому термину более общего значения, охватывающего все виды нетерпимости, идейной агрессивности или априорного отвержения какой-либо группы. Таким образом, “расизм” становится синонимом фобии ко всему “иному”: женщинам, молодежи, полиции, рабочим, холостякам и т.д., связывается с любым “анти”, выходя далеко за пределы традиционного понимания этого термина. Кристиан Делакампань считает, что любой конфликт может принять расистский характер, включая антагонизм между мужчинами и женщинами и рабочими и капиталистами. Расизм в этом плане отождествляется с экстремизмом, с доведением борьбы до радикальных форм и выработкой догматических суждений, основанных на стереотипах и предрассудках.

Такое использование термина “расизм” сомнительно. На первый взгляд кажется, что приклеивание противнику этого ярлыка это тактический метод. Однако результаты его применения противоположны желаемым. Если любое агрессивное поведение “расистское”, расизм становится нормальным явлением, так как вражда, ненависть, агрессивность были присущи всем обществам во все времена. Если все расисты, то никто не расист. Столь расширительное толкование расизма делает неприменимыми законы против расизма.

Некоторые договариваются до того, что саму констатацию факта существования человеческих рас уже считают расизмом независимо от оценки этих рас. Делакампань видит расиста в каждом, кто верит в существование рас, даже если он не дает им оценки и не строит иерархию. Этот тезис сопровождается утверждением, будто “современная наука отрицает существование рас”. Это важная поворотная точка в эволюции антирасизма, который традиционно колебался между двумя противоположными идеями. Первая из них та, что биология не имеет отношения к социальным явлениям, а вторая, что биология отвергает расизм. Новая позиция заключается в том, что расистская идеология использует существование различных рас как исходную точку для доказательства их неравенства. Если будет доказано, что расы не существуют, расизм исчезнет. Ход мыслей в данном

случае крайне примитивен: нет слова - нет проблемы.

Помимо сугубо идеологических мотивов этот взгляд основан на том факте, что с конца 50-х годов, с возникновением “популяционной генетики”, в научном сообществе термин “раса” стал все чаще заменяться термином “популяция”. Изучение генных частот и генофондов заняло место традиционного изучения морфологии фенотипов. Такие авторы, как А. Муран и Жак Рюффье сыграли важную роль в этой эволюции, стимулами которой были прогресс в области иммунологии и географической гематологии, открытие новых групп крови, “генных маркеров”, системы HL-A и т. д. Некоторые популяционные генетики полагают, что исследование генетических модуляций и “расстояний” между генофондами не подтверждает концепцию “традиционных” рас, что вариации в пределах одной расы более важны, чем различия между разными расами. Короче, расы имеют больше общих характерных черт, чем различных, и между ними нет четко определенных границ, потому что между традиционными расовыми типами существуют всевозможные промежуточные типы. Это привело некоторых к выводу, будто расы не существуют. Будучи лишенным своей объективной биологической основы понятие расы становится чистой фикцией.

Отказ от идеи расы сочетается с пропагандой смешанных браков. К ним положительно относились в прошлом веке Мишле, который посвятил главу своей “Истории Франции” (1833 г.) “несчастной судьбе тех рас, которые остались чистыми”, и Арман де Катрфаж (1810-1892), согласно которому “будущее принадлежит расам, практикующим смешанные браки”. Эту позицию занимает Жак Рюффье в отношении браков между белыми и неграми. Но здесь мы сталкиваемся с двойным парадоксом. С одной стороны, если расы не существуют, странно предполагать, что они могут смешиваться. С другой стороны, странно приводить биологические аргументы в пользу смешанных браков, утверждая при этом, что в человеческом обществе социально-культурные факторы имеют большее значение, чем биологические. Негативное отношение к смешанным бракам может вызываться культурными или религиозными причинами и не иметь ничего общего с расизмом. Кроме того, хорошо известно, что в обществе, где много межрасовых браков, общественное положение таких пар зависит от их близости к господствующему расовому фенотипу.

Тезис, согласно которому “наука считает идею расы устаревшей” и утверждать противоположное, значит, быть расистом, порождает много проблем. Во-первых, этот тезис трактует “науку” как сферу единодушия, а это далеко не так. Примечательно, что наиболее рьяно отрицают существование рас те ученые, исследования которых наиболее далеки от антропологии. Это многие журналисты, значительное число социологов и психологов, некоторые популяционные генетики и очень немногие антропологи. К их числу можно добавить политически ангажированных ученых, таких как Альбер Жаккар, Эшли Монтегю, Стивен Роуз, Леон Камин, Ричард Левонтин и т.д. Разумеется, никакого единодушия по этому вопросу нет, что подтверждается последними антропологическими публикациями, которые продолжают (и сегодня больше, чем когда-либо) использовать концепцию расы и ни в коей мере не ставят под сомнение реальность существования рас.

В ходе коллоквиума ЮНЕСКО в Афинах (30 марта - 3 апреля 1981 г.) для борьбы с “псевдонаучными теориями, оправдывающими расизм и расовую дискриминацию” были предложены три разных средства: первое - объявить, что понятие расы “не соответствует

никакой реальности и не может быть объективно определено” (Альбер Жаккар); второе - что раса это биологическая реальность (Лалита Прасад Видьяртхи) и третье - теория, будто расы не существует, это “ложная идеология” (Эвиатар Нево). Таким образом, нет согласия даже среди ученых с одинаковой ориентацией. Противоречия можно найти даже в работах одного и того же автора. Тот же А. Жаккар пишет: “Было бы абсурдом пытаться доказать во имя антирасизма, будто расы не существуют”.

Идея расы столь же стара, как само человечество. Первую расовую классификацию можно найти в Библии, там, где говорится о потомстве Ноя. Расисты из американских протестантов ссылались на проклятье Хама, оправдывая сегрегацию. Слово “раса” с давних пор использовалось в метафорическом смысле как синоним нации, народа, племени и т. д. В XIX веке с расцветом точных наук, это многозначность была устранена, поскольку она вносила путаницу. Сегодня расами называют популяции, отличающиеся друг от друга по сочетанию ряда генов и частоте ряда наследственных черт, фенотипическое проявление которых позволяет определить расовую принадлежность.

Вот одно из определений, которое предложил П.А. Глоор: “Раса это разновидность вида *Homo sapiens*, представляющая собой группу человеческих существ, которая отличается от других групп комплексом наследственных анатомических и физиологических (а, может быть, и психологических) признаков, наблюдаемых на протяжении многих поколений независимо от всех признаков, приобретенных благодаря воспитанию, традициям или социальным влияниям”.

Более того, ряд аргументов “популяционных генетиков” в пользу аргумента, будто расы не существуют, представляются сомнительными. Один из них основан на непрерывности между расовыми группами, открытой еще Причардом (“Естественная история человека”, 1843 г.). Речь идет о непрерывности генетического материала и морфологических признаков, а также о большом диапазоне межрасовых вариаций. Так Жак Рюффье пишет: между расами нет “биологически пустого пространства”, а есть непрерывная петь. Но разве кто-нибудь утверждал, что нет общей генетической нити между расами? Наличие промежуточных форм никогда не было аргументом против существования крайностей и существование промежуточных этнических групп дискредитирует идею расы не в большей степени, чем наличие промежуточных ступеней между молодостью и старостью, карликом и гигантом, теплом и холодом, дискредитирует понятия возраста, роста и температуры. Альпы и Апеннины связаны горами меньшей высоты, - замечает антрополог Андор Тома, - тем не менее Альпы существуют и Апеннины тоже”. Генетик Феодосий Добжанский пишет: “Утверждать, будто расы не существуют, потому что они не представляют собой строго разграниченные группы, значит, совершать самую худшую типологическую ошибку. Это столь же логично, как утверждать, что нет городов, потому, что разделяющая их сельская местность не совсем необитаема”. Подобным способом можно доказать, что вид это столь же условное и произвольное определение, как раса...

Делая упор на значении внутрирасовых вариаций и на сравнительном отсутствии “генетического расстояния” между главными расовыми группами, мы тоже далеко не уйдем. Согласно последним исследованиям около 10% расовых различий можно причислить к биологическим вариациям внутри человеческого рода в целом. Но значение этих статистических данных весьма невелико, если учесть, что “генетическое расстояние” между человеком и некоторыми высшими приматами также очень небольшое. Если

оперировать только генетическими частотами, окажется, что “близость” между человеком и шимпанзе гораздо больше, чем между шимпанзе и гориллой. И даже больше, чем между некоторыми группами людей! **(Примечание. Иммунологическое сравнение 12 протеинов показало, что из 2633 аминокислот лишь 19 “отделяют” человека от шимпанзе. Мари-Клер Кинг и А. С. Вильсон оценивают генетическое “расстояние” между человеком и шимпанзе цифрой 0,62).** Более того, большинство человеческих групп крови обнаружены у обезьян наряду с группами крови, типичными только для них. Организация хромосом человека и шимпанзе столь близка, что почти невозможно объяснить их фенотипические различия, исходя только из структуры хромосом.

Отсутствие согласия между популяционными генетиками и биоантропологами объясняется тем, что эти две науки имеют разные отправные точки. Генетики принимают во внимание только те признаки, генетическая, наследственная природа которых бесспорно доказана (количество меланина, наличие лактозы, резус-фактор, серологические свойства крови, иммунная система HL-A и т. д.). Исходя из этого, генетики устанавливают наличие генофондов, которые очень часто не совпадают с расовыми группами. С другой стороны, антропологи начинают с существующих популяций и их фенотипов, классифицируя характерные морфологические типы и определяя характерные признаки как наследственные, даже если еще не установлен способ генетической передачи этих признаков или если еще невозможно количественно определить генетическое расстояние для этих признаков, как по отдельным лицам, так и по группам (классический пример: цвет глаз). Иными словами, антрополог начинает с обычного восприятия, тогда как популяционные генетики “конструируют” популяции, которые не обязательно соответствуют этим реалиям.

В любом случае, популяционные генетики недооценивают последние достижения биотипологии (Чекановский, Ванке) и палеоантропологии (Ин Коппенс, Анри де Люмлей, Андор Тома, Пулианос, Влчек). Они не принимают во внимание тот факт, что современная биоантропология все больше отходит от концепции Линнея, основанной только на сходстве, из которого выводится идеальный тип или прототип, предпочитая ей подход В. Бунака, который считал расу единым комплексом филогенетических производных признаков, распознаваемым по небольшому количеству объективных критериев. (Таким образом, рас столько же, сколько географических комбинаций морфологических особенностей. Это близко к таксономическому методу, именуемому “кладистическим”: расовые отношения связываются с идентификацией общих производных, а не общих изначальных признаков). Конечно, нельзя отрицать заслуги популяционной генетики, но у нее есть свои пределы. То, что графическим распределением генных частот. Более того: ряд иммунологических свойств не уникален для человеческого рода. Многие из них до сих пор не удается объединить в цельную систему. **(Примечание. Р. Рике пишет: “Результаты анализа групп крови имеют подчиненное значение по сравнению с данными классической антропологии при изучении человеческих групп. Каждый узнает малайца или негра, а анализ крови на это не способен. Но без него не обойтись при изучении популяционной динамики и гибридизации. Нужно только пресекать претензии анализа крови на то, что он может заменить собой антропологию”).**

Популяционные генетики рискуют тем, что создаваемые ими популяции будут

искусственными, не соответствующими реальным. Как подчеркивает Верцинский, “не следует забывать, что популяционная генетика основывается на моделях и что эти модели, применяемые генетиками к изучению рас, крайне упрощены и похожи на черное облако, случайно образовавшееся из частиц пыли и скрывающее за собой реальных людей”. Следует также помнить, что главная цель науки - объяснять, углублять знания, а не превращать их в оптическую иллюзию.

Учитывая сложность проблемы, Андре Ланганей выбирает средний путь: “Столь же неразумно игнорировать морфологические данные ради создания “чисто генетической” истории человека, как и отвергать “так называемую генетическую антропологию”, как это делают классические антропологи”. Последние исследования показали, что результаты, полученные популяционными генетиками, при их правильной интерпретации, ни в какой степени не противоречат данным традиционной биоантропологии, а иногда даже их подтверждают.

На практическом уровне теория, отрицающая реальность рас в угоду воинствующим антирасистам, отличается своей наивностью. Неужели кто-то в самом деле верит, что расизм исчезнет, если объявить расу фикцией? Пусть “генетическое расстояние” между бретонцем и сенегальцем меньше, чем между бретонцем и пикардийцем, даже зная об этом, бретонец все равно будет чувствовать себя более близким к пикардийцу, чем к африканскому негру. Генетики могут сколько угодно твердить, что генофонды не обязательно соответствуют фенотипам, на улице мы встречаем не генофонды.

В любом случае воинствующим антирасистам надо понять, что расы воспринимаются как существующие и важно только, чтобы из этого не делались иерархические или очернительские выводы. Трудность заключается в том, что расистская реакция начинается с восприятия не одного лишь биоантропологического различия, а также (и, может быть, в первую очередь) с восприятия социально-культурного различия. Примечательно, что антиарабская ксенофобия распространена во Франции гораздо больше, чем антинегритянская, хотя “расовое расстояние” между французами и арабами гораздо меньше, чем между французами и черными африканцами. Нужно также принимать во внимание роль воображаемого в расистских реакциях. Как пишет Гийомен, “раса” это, прежде всего, знаковое понятие. “Воображаемые и реальные расы играют одну и ту же роль в социальных процессах и выполняют одну и ту же функцию”.

Последнее возражение против тезиса, согласно которому “наука отрицает существование рас”. даже если это неверно, необходимо проанализировать значение слова “отрицает”. Иными словами: работает расистская идеология на уровне доказательств или на уровне интерпретации? далее: можно ли, не впадая в самый банальный scientизм, обращаться к “науке”, чтобы установить истинность или ложность тех или иных идеологий? Антирасистам удобно утверждать, будто в прошлом расистские теории опирались только на “псевдо-научные” основы, но это неверно. От Линнея и Блюменбаха до Отмара фон Фершюра и Ваше де Лапужа научная квалификация многих расистских авторов безупречна. Ошибочно верить вместе со многими расистами, что расизм имеет твердые научные основы, или верить вместе с антирасистами, будто все расистские авторы - “лжеученые”.

Ученые не меньше всех других людей подвержены влиянию пропаганды и идеологии.

Если история науки чему-то и учит, то лишь тому, что знание никого и никогда не спасало от заблуждений. Более фундаментальная проблема заключается в том, что наука работает только в описательном режиме. Как сказал Ницше, “наука никогда не создает ценностей”. Если наука “говорит”, что нельзя считать расистскую теорию научной, она этим не опровергает расизм и не укрепляет позиции антирасистов. Оно отрицает только одно: что можно подвести научную основу подо что-либо, имеющее отношение к идеологическим предпочтениям, будь то расизм или антирасизм. Селестен Бугль писал в начале XX века: естественные науки молчат о необходимости или ненужности иерархии по той простой причине, что они, по типу своего знания, исключают какие-либо ссылки на ценности. Наука не может ничего сказать ни за, ни против равенства или неравенства.

Наука постоянно пересматривает свои выводы. Ее работа никогда не бывает законченной, она всегда продолжается. С этой точки зрения основывать антирасистские аргументы на науке, значит, неизбежно оставлять их в подвешенном состоянии. Сегодня наука “отрицает” расизм, а завтра она может перестать его отрицать. Тюилье отмечает, что когда мы определяем наше практическое отношение к неграм, арабам, индейцам и т. д., опасно придавать решающее значение т.н. научным данным. Они могут стать оправданием определенных форм сегрегации, расизма и т. д. “Научный расизм” - не более чем зеркальное отражение “научного антирасизма”: и тот, и другой возникли если не из сциентизма, то из неправильного понимания науки.

Отрицание реальности рас это отзвук теории Сартра, согласно которой “другие” (негры, евреи, женщины и т. д.) существуют только в воображении воспринимающего их субъекта. Более разумно считать, что расизм начинается с оценок, т. е. с момента перехода от описания к оценкам. Жан Ростан отличает “расовые истины” от “расистской лжи”: Быть антирасистом не значит отрицать существование расовых различий - это было бы научной наивностью. Антирасизм отрицает то, что в человечестве есть расы, которые выше других, расы, которые могут присвоить себе право смотреть на другие расы сверху вниз”. Того же мнения Мемми: “Расизм начинается только с интерпретации различий”. Это точка зрения всех серьезных ученых.

Теория, согласно которой духовные и психические черты могут наследоваться и особый генотип может быть условием проявления этих черт, не более “расистская”, чем вера в существование рас. Противоположная точка зрения, согласно которой умственная деятельность совершенно не зависит от биологии, исходит из теории приобретенных признаков, ныне всеми отвергнутой, или из картезианского метафизического разделения души и тела. Спор о врожденных и приобретенных признаках давно решен. Биологическая предопределенность ряда психологических особенностей всегда не более чем потенция, которая оставляет место и для общественных влияний; одно не исключает другого. С другой стороны, рассматривать биологические факторы как царство фатализма, а социально-культурные - областью свободы, значит, опять вставить на путь расизма, который начинает с биологизации общественных явлений, а кончает оправданием неравенства. Среда оказывает не большее влияние, чем врожденные особенности. Тело и душа человека - единое целое, он формирует себя сам.

Кригель правильно критикует тех, кто считает, что антирасизм должен отвергнуть теорию “наследственного поведения”, и разделяет точку зрения тех, кто говорит о взаимодействии и совместной эволюции. Сегодня общепризнанно, что наследственность определяет не

культуру, а способность к восприятию культуры. Леви-Страус пришел к выводу: “Развитие человечества это не побочный продукт биологической эволюции, но оно и не происходит в полном отрыве от нее”.

Богатство человечества создано его разнообразием. Благодаря разнообразию возможны и взаимные связи. Но разнообразие народов и культур существует лишь по той причине, что в прошлом различные народы и культуры были сравнительно изолированы от остальных. Леви-Страус писал, что нельзя сохранять разнообразие и не осознавать того факта, что “это разнообразие является результатом желания каждой культуры отличаться от всех других народов, быть самой собой”. Из этого следует, что полная “прозрачность” в человеческих отношениях приведет к тем же результатам, что и полная замкнутость. Иными словами, связь может быть только несовершенной. Без этого несовершенства она утратит и смысл, и саму возможность своего существования.

Подобно многим современным движениям (достаточно вспомнить хотя бы неофеминизм), антирасизм колеблется между уважением к различиям и эгалитаризмом. Есть расизм, который абсолютизирует Иное, дабы создать Совершенно Иное, с которым никто не может иметь ничего общего. Есть другой, более извращенный расизм, который абсолютизирует Одинаковое и во имя Одинакового отрицает саму идею различий. Иное, таким образом, можно отрицать, уничтожая его отличие, или вообще отрицая, что существует иное. Подход разный, а результат один: уничтожение различий. Как писал Анри Левефр в 1970 году, мы живем в век, когда силы “однородности” противостоят силам, выступающим за “разделение”, и между ними идет титаническая борьба. Антирасизм борется против обоих этих подходов. Он должен научиться ценить различия, поскольку уважение самобытности каждой группы - предпосылка диалога. Он должен понять, что расизм вызывается не ощущением различий, а чувством распада самобытности, что ведет к ее возрождению в патологических формах и к расовой ксенофобии.

“Настало время, - пишет Ги Мишо, - разработать стратегию межэтнических и межкультурных отношений, основанных не только на уважении и понимании, но и на реальности различий”. Такого же мнения Иренеус

Эйбль-Эйбесфельдт: “Мы часто слышим аргумент, что только единая мировая цивилизация с полным смешением всех рас устранил напряженность и конфликты между группами. Это не кажется мне необходимым или желательным. Если можно научить людей быть терпимыми, готовыми к пониманию иного стиля жизни как внутри цивилизации, так и между различными народами, то этноцентризм исчезнет сам собой без необходимости для групп отказываться от своей культурной уникальности и от гордости за свою цивилизацию. Мир между народами должен быть установлен не на трупах цивилизаций и рас”.

Журнал “Телос” (Нью-Йорк), № 114, зима 1999г. Перевод с англ.: А.М. Иванов
Атеней. - № 5.